

АННА ТАТЮЕВА

ПОКА
СЕРДЦЕ
НЕ СТАЛО
КАМНЕМ

18+

Анна Тапоева

Пока сердце не стало камнем

<https://litres.ru/74053764>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он ищет чёрную жемчужину, чтобы воскресить свою невесту. Она хочет добраться до обители морской ведьмы и спасти собственную жизнь.

Найдёт ли он заветный ключ к своей цели? Успеет ли она доплыть прежде, чем её сердце превратится в камень?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. ПРОКЛЯТЬЕ МОРСКОЙ ВЕДЬМЫ	8
Глава 2. НОВАЯ ЖИЗНЬ НА ПИРАТСКОМ ФРЕГАТЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Тапоева

Пока сердце не стало камнем

Пролог

Я стояла среди мужчин, переодетая в парня, и молилась, чтобы никто не догадался о моей лжи. Мы, выстроившись в шеренгу, стояли перед кучей пиратов, которые решали нашу судьбу.

Останься я, в момент захвата, в своём платье — наверняка осталась бы в живых, но судя по тому, что успела узнать: возможно, кто-то из этих головорезов выбрал бы меня для своих утех. А потому я безмерно рада, что сейчас стою здесь, среди мужчин. Но выживу я или нет... Хотя имеет ли это значение? Умру сейчас или умру позже, если не успею найти нужный мне остров... Но в обличии парня я хотя бы сохраню свою честь и достоинство.

Но умирать сейчас мне всё же не хочется. Страшно, очень страшно. Нужно что-то предпринять, иначе меня определят либо в рабы и продадут на ближайшем острове или скормят акулам. Зараза... Больно закусив губу и поморщившись, ме-

ня озарило:

— Я хочу стать пиратом! — сама не верю, что говорю это, но я хочу побороться за свою жизнь.

Как же колотится сердце. А голос получился каким-то писклявым.

— Чего?! Пацан, ты себя вообще видел? Ты же дохляк совсем!

Другие пираты заржали, кроме одного. Он смотрел на меня... с удивлением? Понять я не успела, испугалась его взгляда. Но он выделялся среди общего колорита: высокий, черноволосый, смотрит так, будто взглядом может убить любого на палубе. Наверняка такой же жестокий, как и все здесь. И ждать понимания не стоит. Но я, пожалуй, буду настаивать:

— Я хочу быть членом вашей команды. Я пригожусь, вот увидите.

— Дохлый, ты чё сдохнуть хочешь?

— Да, я мелкий! Зато могу незаметно пролезть в пороховой погреб вражеского корабля или же проскользнуть в окно каю...

Договорить я не успела — удар пришёлся под рёбра, и воздух выбило из лёгких мгновенно. Я согнулась пополам и рухнула на колени. В глазах потемнело. Я открывала рот, пытаюсь вдохнуть, но лёгкие словно забыли, как это делается. Лишь спустя несколько бесконечных секунд из груди вырвался хриплый вдох. Сколько же усилий я приложила, чтобы не зареветь. Как же больно. Ублюдок! Слёзы-то я сдерживаю.

ла, но вот злость во взгляде удержать не смогла. Этому уроду не понравилось, как я на него посмотрела, и он уже собрался грубо прижать моё лицо ботинком к палубе, как вдруг послышался чей-то приказ.

— Хватит.

Одного слова оказалось достаточно. Смех оборвался. Даже пнувший меня пират отступил, сдержав недовольный рык. А этот властный мужчина перевёл взгляд с уроды на меня.

— Ты! Поднимайся и в мою каюту, живо, — и, окинув всех взглядом, заявил. — Отныне этот пацан мой личный слуга и вестник.

На палубе повисла тишина. Кажется, удивилась не только я.

Кто этот черноволосый мужчина? Капитан? Пират развернулся и куда-то пошёл. Он казался выше всех, кто был на палубе, осанка прямая, гордая. Но вдруг остановился и обернулся:

— Чего разлэгся, пацан? За мной давай.

Я торопливо, но с трудом встала, с ужасом понимая, что наспех намотанные ленты на моей груди ослабли. Выпрямиться от боли было просто нереально и воспользовавшись случаем, я так и шла, полусогнувшись, положив руку в место удара, но на самом деле я просто прижала ленту.

Тогда я ещё не знала, что именно на борту «Эллады» встречу человека, который перевернёт всю мою жизнь; че-

ловека, способного либо спасти меня от проклятия..., либо окончательно погубить.

Глава 1. ПРОКЛЯТЬЕ МОРСКОЙ ВЕДЬМЫ

Сегодня был тяжёлый день. Я сдала последний экзамен в Академии и наконец-то могла выдохнуть.

...Хирургия. Последние несколько ночей я почти не спала, зубрила материалы и тренировалась накладывать швы, хотя делать это умела давно — я в этой теме с детства. Экзамен принимали прямо в порту: мы зашивали местных мужиков после очередной драки. Все остались довольны. Нам — живая практика, им — бесплатная помощь.

Распустив волосы, я брела вдоль берега и впервые за долгое время никуда не спешила. Морской ветер играл тёмными прядями, доходившими почти до пояса. Солнце клонилось к закату, поэтому песок больше не обжигал ступни, а лишь приятно согревал их накопленным за день теплом.

Я наслаждалась редким ощущением свободы, когда вдруг заметила в песке странный блеск.

Сначала решила, что это осколок бутылочного стекла, в таком случае его лучше убрать, чтобы никто не порезался, или вдруг это потерянная кем-то брошь, тогда стоит унести в бюро находок.

В общем, любопытство оказалось сильнее.

Подойдя ближе, я присела на корточки и разгребла песок пальцами. Это оказалась... чёрная жемчужина? Никогда прежде таких не видела!

Я потянулась к ней, чувствуя странную тревогу. Что-то внутри шептало: «Не трогай. Оставь. Уходи». Но пальцы уже сомкнулись вокруг гладкой чёрной поверхности.

Боль ударила мгновенно. Она вспыхнула прямо в груди, будто раскалённый гарпун пронзил сердце насквозь. Я вскрикнула и рухнула на колени, прижимая ладонь к груди. В глазах начало темнеть, и мир словно поплыл. Я будто оказалась в ином пространстве: вязкая тьма окутала, а из неё медленно появилась женщина.

Кожа её была бледной, а длинные волосы, извивались, словно водоросли на глубине моря. А вот глаза пугали: они были какие-то пустые, холодные и нечеловеческие.

Едва увидев меня, она искажилась от ярости.

— Кто посмел?! — Её голос ударил в голову подобно штормовой волне. — Кто посмел коснуться моей слезы?!

Я вздрогнула.

— Я... я только...

— Молчать! — Тьма вокруг всколыхнулась. — Жалкие смертные! Вечно хватается всё, до чего дотянетесь! Вечно лезете туда, куда вас не звали!

Я с трудом встала на ноги, боль в груди всё ещё жгла.

— Я хотела только посмотреть...

— Но в итоге украла!

— Но я не...

Она вдруг оказалась совсем близко, что я вздрогнула от неожиданности. А ещё я видела серебристые прожилки под её кожей.

— Теперь плати. — Её губы медленно растянулись в жуткой улыбке. — Ты сама виновата. Отныне моя слеза будет медленно тебя поглощать.

Я ничего не понимала. Но эта женщина звучала зловеще.

— Что?..

— Ты медленно превратишься в камень.

— Нет!

Она коснулась пальцем моей груди. И боль вспыхнула с новой силой. Я закричала, а она наслаждалась моей болью. Будто упивалась ею. Я была в ужасе.

— Да. — И вдруг её голос стал почти ласковым. От этого стало ещё страшнее. — День за днём. Неделя за неделей. Сначала кожа. Потом мышцы. Потом сердце.

— Я не крала! Отпустите, прошу! — Взмолилась я, но она склонила голову набок.

— Поздно! Ты уже запустила проклятье прикоснувшись. У меня перехватило дыхание.

— Как это остановить?

Она рассмеялась так громко и жестоко, словно услышала лучшую шутку на свете.

— Остановить? — Ведьма наклонилась ко мне. — Верни

мне то, что украла.

— Она мне не нужна, забирайте! — я протянула к ведьме свою ладонь и опешила. Жемчужины не было...

— Жемчужина уже внутри тебя, глупая ты смертная. — Улыбка стала шире. — Будет больно.

— Сколько у меня времени?

Она выпрямилась.

— Хочешь жить, значит?

— Хочу.

Ведьма отпрянула, словно хотела увидеть ложь со стороны:

— Не крала говоришь? С чего мне тебе верить, смертная?

— Я никогда ничего не крала, и сейчас я хотела только...

Ай... — в груди кольнуло так, что перехватило дыхание.

— Найди Остров Чёрных Слез.

— Где он?

Её глаза сверкнули холодным безразличием, словно спросили: «Может мне тебе ещё и дорогу показать?!». Но потом она словно смягчилась, вглядываясь в меня.

— Жемчужина подсказет, — она отстранилась и продолжила с прежним тоном. — Полгода, смертная. Через полгода твоё сердце станет таким же холодным, как и камни на дне моего моря.

Я почувствовала, как ноги подкашиваются.

— Пожалуйста...

— Умоляй кого-нибудь другого. Я больше ничем не могу

помочь.

Тьма вокруг начала рассыпаться. Последнее, что я увидела, — как женщина растворилась во мраке.

Я никогда не верила в магию, но именно со мной приключилось нечто, не поддающееся объяснению. Что теперь делать? Паника не давала дышать, а пляж потерял все краски. Зараза, я хочу жить! Мне хотелось рыдать, жалеть себя, но слёзы не текли, словно все эмоции пересохли внутри меня.

Когда я вернулась, хозяйка сразу поняла, что со мной что-то случилось. Я выглядела опустошённой и безэмоциональной.

— О, морские боги, Мира, что случилось? Неужто кто обидел? Есть у меня знакомый офицер, он найдёт и накажет мерзавца! — Маиза в своём репертуаре, защебетала без умолку.

Но объяснять я ничего не стала. Сил не было. Буркнув, что это не то, о чём Маиза подумала, я прошмыгнула мимо неё и скрылась в узком коридоре, избегая по деревянным ступенькам в свою комнату, и заперлась.

Внутри всё казалось прежним — узкая кровать, стопка книг по медицине, аккуратно разложенные сушёные травы на столе. Я уже много лет снимала эту комнатку под самой крышей. Хозяйка строго следила за репутацией: никаких друзей, никаких мужчин в доме. Да я и не возражала. Мужчины меня никогда особенно не интересовали. Все по-

други давно вышли замуж, а я, в свои двадцать лет, предпочитала сама решать, куда пойду и чем займусь. К тому же лекарю приходится работать не только с женщинами, но и с мужчинами, а ревнивый муж под боком мне был совершенно ни к чему.

Я не спала пол ночи. То убеждала себя, что всё это бред, то начинала верить каждому слову ведьмы. Не хотелось верить, что всё это случилось именно со мной. По щеке всё же скатилась скупая слеза.

Я долго думала, что мне делать. Но в голову ничего не приходило. Я не представляла, как всё бросить и идти в неизвестность. А под утро всё же удалось уснуть.

Проснувшись ближе к обеду, я пошла принять душ, чтобы смыть накопившуюся усталость. Долго стояла под струями воды, а потом, укутавшись в полотенце, я пошла варить кофе, но проходя мимо большого, в полный рост, зеркала, с ужасом заметила на правом плече серое пятно. Подошла ближе и всмотрелась: кожа потеряла свой здоровый цвет, стала грубой и почти лишилась чувствительности. Я провела по пятну ногтем. Ничего. Совсем ничего, будто касалась чужого плеча. Только тогда я окончательно осознала, что вчерашнее видение не было кошмаром. И тут я заметила, что из-под полотенца торчит что-то тёмное. Дрожащими пальцами я скинула полотенце на пол и оставшись полностью обнажённой, уставилась в зеркало. На груди, где-то на четыре пальца ниже ключиц, располагалось клеймо. За ночь на коже

проступил чёткий рисунок, похожий на татуировку хной — идеальный круг, сплетённый из множества тончайших морских нитей.

Я закусила нижнюю губу и зажмурилась так сильно, как только могла. Чтоб тебя, это был не сон...

Приготовив кофе, я села у окна, пытаюсь найти решение. И вдруг вспомнила, что брала в библиотеке книгу о разных необъяснимых хворях. Хотела изучить, но руки никак не доходили. Зато сейчас я тут же принялась изучать книгу и на одной из страниц обнаружила информацию про каменную хворь. Её почему-то считают заразной, мол, если прикоснуться к поражённой коже, то тоже можно стать камнем. Естественно, это ничем не лечится и хворь медленно прогрессирует, поражая всё больший участок кожи. Так, ещё пишут, что окаменевшее тело разбивают на куски и бросают в глубины моря. Какой ужас! И это ждёт меня, если я не успею вернуть жемчужину?

Хм, почему ничего не пишут о видении?

А нет, вот оно: «...больные утверждают, что в момент, когда касались жемчужины, появлялась какая-то страшная женщина и требовала вернуть жемчужину, обвиняя в воровстве. Однако, когда видение исчезло — жемчужины тоже не было. Было лишь клеймо на груди, ровно в том месте, куда ведьма ткнула пальцем». Ведьма... Серьёзно?

Подумав, что нужно вернуть книгу, я вспомнила, что там есть зал картографии.

— Надо посмотреть карты. Вдруг, что найду! А ещё стоит освоить азы по чтению карт, вдруг пригодится в путешествии. И надо бы проверить легенды, — бормотала я вслух, а потом задумалась. — Путешествие... Может действительно стоит попытаться найти этот остров? Всё лучше, чем сидеть и ждать смерти.

До библиотеки было всего пятнадцать минут пешком. Я шла по знакомым улицам и впервые смотрела на них иначе.

Вот булочная, где мы с девчонками покупали горячие пирожки после лекций. Вот площадь перед Академией, где ещё вчера обсуждали результаты экзаменов. А вот больница, в которой я надеялась получить место лекаря.

Ещё неделю назад всё это казалось началом моей жизни. Теперь же я смотрела на город так, словно прощалась с ним навсегда.

Наша Академическая библиотека была огромной. Старая библиотекарша хорошо знала меня — я пропадала здесь днями, пока не окончила Медицинскую Академию. Поэтому она пропустила меня в архив без лишних вопросов.

— Я хочу научиться читать навигационные карты, где мне их найти? — спросила я.

— На втором этаже, в правом крыле. Увидишь большой дубовый стол. А зачем тебе, милая?

— Да вот с девчонками поспорила, что научусь читать карты за месяц... Я пойду.

В архиве пахло старой бумагой и сухими чернилами. Мне повезло: там как раз работал один из профессоров Академии. Увидев мою растерянность перед грудой свитков, он добродушно объяснил мне основы навигации и картографии. К счастью, я настолько привыкла всё зубрить, что логику морских карт схватывала на лету.

Следующие три недели я провела среди карт, морских журналов и старых путевых записей. Дни стали похожи друг на друга. Утром — библиотека. Вечером — попытки понять, как добраться до края мира. Ночью — страх.

Каждое утро я первым делом подходила к зеркалу и проверяла, насколько далеко продвинулась хворь.

Пятно на плече медленно росло.

Серая кожа пока что больше походила на застарелый ожог, только по цвету была как камень. Иногда мне казалось, что поражённое место стало холоднее остального тела. Возможно, я просто себя накручивала. А возможно — нет.

Параллельно я начала распродавать свои вещи. Сначала украшения. Потом лишнюю одежду. Затем книги.

Особенно тяжело оказалось расставаться с медицинскими атласами. Ещё недавно я мечтала работать врачом в больнице при Академии. Ещё вчера выбирала, в каком отделении хочу служить. Ещё вчера спорила с подругами о будущем.

А сегодня я считала месяцы до собственной смерти.

Я перерыла множество карт, детально их изучив, но нигде не упоминалось про этот остров. Может, она соврала? Мо-

жет, остров называется как-то иначе?

Но на одной из карт я обнаружила пометку «Ki Er Gig», сделанную пером, и решила запомнить. А интуиция каждой клеточкой моего тела шептала: «Нам туда!»

Так что я решила действовать. Мой план был безумен. пассажирский корабль привезёт меня на один из островов, там нужно пересечь на другой... и добраться как можно ближе к месту назначения. По пути посещать различные архивы в поисках легенд, слухов и старых карт. А на последнем, самом отдалённом острове, мне придётся найти безумцев, которые согласятся доставить меня туда — на самый край мира...

Сейчас у меня пять месяцев и одна неделя, чтобы выжить, найти корабль и остров...

Как же хозяйка шумела, когда узнала, что я съезжаю и вообще покидаю остров! Но слушать её причитания времени не было. Собрав небольшую сумку с самыми необходимыми вещами, я отправилась в порт.

Он встретил меня привычным шумом, но сегодня я смотрела на порт иначе. Матросы перекрикивались, грузчики катили бочки по деревянным настилам, над водой кружили наглые чайки, надеясь стащить чей-нибудь обед. Пахло солью, рыбой, смолой и мокрыми канатами.

Я замедлила шаг.

Раньше море было для меня просто красивым видом из

окна и местом для прогулок после занятий. Теперь же именно оно должно было привести меня к спасению... или к смерти.

Моё внимание сразу привлёк пассажирский корабль. Он оказался гораздо больше, чем я представляла. Высокие мачты уходили в небо, словно стволы гигантских деревьев. Натянутые снасти переплетались в сложную паутину канатов, а белые паруса, пока ещё собранные, казались крыльями какого-то огромного морского зверя.

Я невольно остановилась у трапа. Неужели мне действительно предстоит провести на этом корабле несколько недель?

Сердце тревожно сжалось. Ещё можно было развернуться. Вернуться домой. Сделать вид, что ничего не произошло. Запереться в своей комнате и ждать. Но я уже знала, чем закончится такое ожидание. Поэтому крепче сжала ремень сумки и поднялась по трапу.

На седьмой день плавания, едва корабль вышел из безопасных прибрежных вод Империи и взял курс в открытое море, на горизонте вырос чёрный силуэт. Пираты?

Глава 2. НОВАЯ ЖИЗНЬ НА ПИРАТСКОМ ФРЕГАТЕ

Мира

И вот настал тот самый день. Когда я взошла на борт, то совершенно не понимала, как осуществлю свой безумный план. Но знала твёрдо: я хочу жить. И сделаю всё, чтобы выжить в этом жестоком, несправедливом мире.

Мне удалось выкупить отдельную маленькую каюту. Это стоило безумных денег, но я не могла рисковать. Не хватало ещё, чтобы кто-то узнал о моей каменной хвори. Обыватели относились к таким бедолагам как к прокажённым, считая болезнь заразной. Их заживо замуровывали в тюрьмах, а если подобное случалось в море... несчастного просто привязывали к пушечному ядру и сбрасывали за борт. Обо всём этом ужасе я узнала из старых медицинских хроник в библиотеке.

Ближайшей целью пассажирского судна, как и моей, был остров Белой Цапли. Днём я стояла у борта, опираясь на планшир, и наслаждалась волнами и тем, как дельфины играют в догонялки с кораблём. Погода была прекрасной, солнечной. Ничто не предвещало беды.

Качка всё ещё утомляла меня, поэтому я ушла в каюту отдохнуть. А проснулась от истошных воплей. Не сразу сооб-

разив, что происходит, я вдруг отчётливо услышала донёсшийся с палубы крик:

— Пираты!

Вся жизнь словно пронеслась перед глазами. Мной овладел такой дикий ужас, что тело на какое-то время просто парализовало. Вспомнились глупые сплетни, которые я то и дело слышала от пассажиров на палубе: они так беспечно обсуждали и осуждали морских разбойников. Стоило бы на уровне закона запретить болтать о них в море — как будто эти разговоры могли накликать беду. И вот, накликали.

Паника отступила перед холодной мыслью:

«Если пираты ворвутся сюда, одинокая женщина станет для них слишком лёгкой добычей. А значит — мне нужно немедленно исчезнуть».

А потом сама не зная почему, я решила на безумный шаг. Со всех ног я понеслась вниз, к кочегарке на самую нижнюю палубу. Пассажирам запрещалось там ходить, но несколько дней назад, я всё равно пробралась туда тайком, из любопытства, когда изучала пассажирское судно. Пираты уже заполонили верхние ярусы и грабили каюты, но мне чудом удалось проскочить незамеченной.

Повезло: тяжёлая дверь была приоткрыта. Я залетела внутрь и заперла её на засов. Осмотрелась. На крючке у стены висела запасная рабочая одежда. Обычно здесь дежурил юнга чуть крупнее меня — он следил, чтобы жар в огромной топке не угасал, пока корабль идёт по курсу. Но сейчас этот

юнга исчез. Сбежал?

— Плевать. Самой бы выжить! — Прошептала я.

Не раздумывая, я сбросила синее платье и швырнула его прямо в пылающий зев печи. Из дорожной аптечки, которую прихватила с собой, выхватила эластичные бинты и туго утянула ими грудь. Наспех натянула свободные штаны, рубаху, зацепила подтяжки. Сверху накинула потёртый, испачканный жилет, от которого резко пахло чужим потом. Отлично. Я измазала ладони в угольной пыли и грубыми мазками потёрла лицо.

— Волосы! Так... нож, где же нож?.. Есть!

Я распустила причёску, безжалостно разделила пряди на две части. Резала под каре нещадно, дрожащими руками. Первый отрезанный хвост мгновенно исчез в огне.

В дверь оглушительно ударили. Я вздрогнула, схватилась за оставшиеся волосы и принялась пилить их лезвием. Снова удар! Я ускорила, изо всех сил налегая на нож. Наконец, прядь поддалась. Я швырнула её в топку и едва успела захлопнуть железную заслонку, как в ту же секунду входная дверь с грохотом слетела с петель.

От испуга я вскрикнула и выронила нож. Тот со звоном покатился по полу. Я тут же вскинула руки, показывая, что сдаюсь.

На пороге, заполняя собой весь проём, стоял огромный пират с оголённым и окровавленным клинком. За его спиной лежал наёмный солдат. Я замерла, тяжело и прерыви-

сто дыша. Разбойник оскалился, окинув меня презрительным взглядом, словно оценивал пленить или убить:

— Ну и шпану нынче в кочегары берут...

— Я пойду с вами, только не убивайте.

Пират прыснул, прищурился:

— А пошли.

Я медленно двинулась вперёд с поднятыми руками, с ужасом прощаясь со своим планом добраться до острова Чёрных Слез... Что теперь со мной будет?

Когда нас погнали по трапу на пиратский фрегат, я шла, опустив голову. Оказавшись на палубе пиратского корабля, я тут же услышала громкие, резкие голоса. Чуть поодаль стояли несколько человек, и один из них — высокий, черноволосый мужчина в строгом камзоле — чеканил слова так, чтобы его слышал каждый матрос:

— Пленниц не трогать без их согласия. Всем ясно?

— Капитан, но... — попытался вставить кто-то из пиратов.

— Повторить?!

— Есть, капитан, — нехотя буркнул тот.

Однако со стороны послышалось недовольное высказывание:

— Капитан, мы имеем право на разгрузку! Два месяца в море торчим! — этот мужчина был чуть ниже капитана, широкий, одет так, будто занимает высокую должность здесь.

«Ага, значит, этот черноволосый мужчина — капитан».

— Два месяца терпел и ещё потерпишь, — голос капитана обдал палубу ледяным холодом. — Я сказал женщин не трогать.

— Да чтоб тебя... — выплюнул пират, хватаясь за рукоять меча на поясе.

Договорить он не успел. Послышался глухой удар в челюсть, и тяжёлое тело с грохотом рухнуло на деревянный настил. Я слегка покосилась и боковым зрением увидела, как черноволосый капитан, даже не поправив манжет, брезгливо перешагнул через поверженного бунтаря. Тот оскалился и тут же поднялся на ноги, размашисто провёл кистью по губам, вытирая кровь.

— Ещё одна такая выходка, Гектор, и ты полетишь на корм к акулам, — тихо, но отчётливо произнёс капитан.

У-ух, вот это мужчина, конечно! Честно, я даже начала им восхищаться — противостоять такой толпе озлобленных матросов... Я поспешно отвернулась, чтобы не привлекать к себе внимания. Но на секунду в груди зажглась робкая мысль: «Если это капитан, и он запрещает насилие... может, он не такой зверь, как о нём шепчутся в портах?»

Но я тут же оборвала себя. Нельзя давать волю ложным надеждам. Это суровый, жестокий мир, Мира, сними розовые очки. Он просто бережёт ценный товар.

Нас, пленных, выстроили в шеренгу из пятнадцати человек. В этот момент фрегат отцепил абордажные крючья от несчастного пассажирского судна и довольно скоро начал от-

даляться, уходя вперёд. Я украдкой оглядела соседей. У всех нас на запястьях туго застегнулись тяжёлые железные кандалы.

Кэйл

Пассажирская посуда сдалась быстро. Мои ребята уже заканчивали потрошить трюмы, перетаскивая на «Элладу» бочки со свежей водой и солониной, и опустошали кошельки богатых пассажиров. Даже взяли в плен несколько девиц и мужчин. Теперь придётся решать ещё и их судьбу. Но всё это было не то. Мне нужен был ключ. Древние легенды гласили, что ключ от острова Чёрных Слез — это крупная чёрная жемчужина. Я искал её по всему свету, но тщетно. Больных каменной хворью я встречал, но ни один из этих несчастных ничего не помнил про злосчастный артефакт.

Гектор совсем уже берега путает, начинает прилюдно дерзить. Если так пойдёт и дальше — убью ублюдка. Решил, видишь ли, что может указывать мне, как поступать с пленницами.

Пленных мужчин наконец-то выстроили в шеренгу на палубе. Стоя на капитанском мостике, я лениво разглядывал их сверху вниз. Всё как всегда: нужно оценить их силы и навыки, прежде чем требовать за них выкуп у торговой компании. Ведь от их талантов значительно меняется и цена.

Гектор, мой боцман, медленно прохаживался вдоль шеренги, как вдруг какой-то щуплый пацан звонко заявил, что

хочет стать пиратом. Мелкий, весь в саже, одежда велика на два размера... Но взгляд! В этих глазах не было рабской покорности. Там горело куда более дикое, отчаянное желание жить.

В груди странно кольнуло. Этот импульс я не могу объяснить даже самому себе. Что за хрень?

Палуба разразилась хохотом. Мои люди рассмеялись над его дерзким вызовом, даже пленные мужики заулыбались, а я просто стоял и не мог поверить в эту... смелость?

— Дохлый, ты что сдохнуть хочешь? — ухмыльнулся Гектор.

— Да, я мелкий! — выкрикнул пацан, вздёгнув подбородок. — Зато могу пролезть в пороховой погреб врага или бесшумно проскользнуть в окно каюты их капи...

Юнец не успел договорить. Гектор с размаху ударил его тяжёлым кулаком под дых. Пацан просто сложился пополам, хватая ртом воздух.

«Сейчас боцман быстро собьёт с него спесь, и малец сам передумает», — мимоходом подумал я. Но в следующую секунду перепачканный в саже пацан вскинул голову, и я перехватил его взгляд.

Внутри снова что-то ёкнуло. Любой другой на его месте уже скулил бы на коленях или молил о пощаде. Этот же смотрел на боцмана со звериной яростью — так, будто готов был вцепиться Гектору прямо в глотку, будь у него хоть малейший шанс.

И это зацепило меня сильнее всего. Точнее, не сам пацан, а вся эта ситуация. Мне вдруг до зуда в кулаках захотелось его защитить. С чего бы мне вообще было не всё равно на какого-то грязного портового заморыша? Может... он чем-то напомнил мне меня самого в юности? Когда у меня отняли последнее, а я мог только бессильно скалиться в ответ. Только тогда мне было лет двенадцать. Я усмехнулся собственным воспоминаниям.

Гектор пнул парня в живот, и когда его тяжёлый сапог уже заносился над головой бедолаги, я выкрикнул прежде, чем успел осознать своё решение:

— Хватит!

Одного слова оказалось достаточно, чтобы палуба замерла. Я сверху вниз посмотрел на пацана:

— Ты — в мою каюту, живо! — а затем, окинув команду ледяным взглядом, во всеуслышание объявил: — В команду нам нужны не только сильные телом, но и сильные духом. Отныне этот заморыш — мой личный слуга и вестник.

На фрегате повисла гробовая тишина. Развернувшись, я направился к себе. Хватит с меня, с остальными пленными пусть разбираются без меня. Надо показать пацану каюту да объяснить его обязанности... которые мне ещё только предстоит на ходу придумать. И дёрнул же меня кто-то за язык!

Оглянувшись, я понял, что малец всё ещё валяется в шеренге, тщетно пытаюсь подняться. Тяжёлые кандалы на его худых запястьях намертво пригвоздили его к палубе. Растя-

пы-матросы заковали пацана наравне со здоровыми мужиками.

— Да снимите с него уже это железо! — скомандовал я, бросив ледяной взгляд на охрану. — Быстро!

Замки щёлкнули, оковы с грохотом упали на деревянный настил. Только тогда пацан торопливо вскочил и, держась ладонью за ушибленную грудь, полусогнувшись, засеменил следом. Видимо, Гектор приложил его неслабо.

Мы вошли в мои просторные апартаменты. Стоило парню увидеть мою широкую кровать, стоявшую за резной деревянной ширмой, как его взгляд стал совсем диким и затравленным. Мне отчего-то стало смешно, но я, разумеется, не подал вида.

— Ты!

Малой аж подпрыгнул от испуга, втянув голову в плечи.

— С сегодняшнего дня ты мой личный помощник, — отчеканил я. — Выполняешь только мои приказы. Ни боцмана, ни кока, ни штурмана. Только мои. Понял?

Он часто-часто закивал, не сводя с меня испуганных глаз.

— Как звать-то тебя, чудо?

— Ми... — он судорожно сглотнул, запнувшись на полуслове. — Мик.

— Итак, Мик. Слушай внимательно. Отныне в твои обязанности входит следить за чистотой в этой каюте, вовремя чистить мою одежду и каждое утро заваривать мне крепкий кофе.

— Типа... как жена? — перебил меня малец и в ту же секунду в ужасе зажал рот обеими руками, явно сообразив, какую глупость только что ляпнул.

Мира

Я стояла, зажав рот ладонями, и испуганно смотрела в карие глаза капитана снизу вверх, доставая макушкой ему до плеча. Ляпнула, не подумав! А он вдруг наклонился, чтобы оказаться со мной на одном уровне, и заглянул, казалось, прямо в душу. На его губах играла опасная усмешка:

— А что, малой? В жёны ко мне собрался?

Я лишь панически замотала головой.

— То-то же. Думай, что и кому говоришь, — он выпрямился. — На первый раз прощаю. За мной.

Капитан пошёл дальше, вглубь каюты.

«Вот это я сейчас по лезвию прошлась, конечно... — панически пронеслось в мыслях. — Или он так издевается? Однако он прав, нужно быть осторожней».

На плохо слушающихся ногах я двинулась следом, попутно пытаясь незаметно удержать через ткань рубахи ослабевшие после удара боцмана ленты на груди. Только сейчас, когда капитан повернулся ко мне спиной, я смогла, наконец, унять дрожь и украдкой осмотреть место своего заключения.

Каюта капитана была огромной. Она занимала всю кормовую часть фрегата на верхней палубе и больше напоминала кабинет какого-нибудь имперского министра, чем логово

морского разбойника. Рабочий стол, у которого мы только что стояли, действительно был огромным. Его поверхность, заваленную навигационными картами и тяжёлыми бронзовыми секстантами, мягко подсвечивала штормовая лампа на стене. Её фитиль ровно горел под толстым стеклом, отбрасывая длинные колеблющиеся тени.

Обстановка кричала о богатстве, но каком-то суровом, исключительно мужском. Пол устилал великолепный, плотный ковёр с глубоким восточным узором. Ноги в жёстких, великоватых мне чужих сапогах подкосились — внутри вдруг вспыхнуло дикое, глупое желание разуться и просто упасть на этот мягкий ковёр. Но я лишь сильнее вжала голову в плечи, покорно семеня за этим грозным мужчиной. Сейчас он был удивительно спокоен, и эта его непредсказуемая доброта пугала больше всего.

Затем мой взгляд вновь скользнул к той самой резной ширме из тёмного дерева, на которую я так опрометчиво устала при входе. Сквозь её кружевные просветы я снова увидела королевское ложе — огромную кровать размером, наверное, два на два метра. Зачем одинокому пиратскому капитану такая необъятная постель? А-а-а, наверно развлекается здесь с портовыми девицами? От этой мысли почему-то внутри всё болезненно сжалось.

Капитан тем временем скрылся в узком, глухом проходе, и я поспешила за ним, оставляя величественную рабочую зону позади.

Здесь почему-то пахло мылом. Справа по узкому коридору показались две двери. Капитан толкнул первую из них, которая скрывала за собой галльон — на удивление чистый, без всяких характерных запахов. А вот за второй дверью обнаружилась настоящая роскошь — душевая. Я успела заметить сложную систему медных труб, уходящих куда-то в пол. Помещение делилось на сухую и мокрую части, разделённые плотной шторкой. Интересно, он моется здесь один или... Стоп, Мира, не думай об этом!

— Можешь смело пользоваться, — вырвал меня из мыслей глубокий голос Кэйла. — Сделай два коротких удара по батарее, после паузы ещё один, и дежурный внизу включит насос. Только тогда опреснённая вода пойдёт по трубам. Пить её нельзя, только мыться. Понял?

Я смотрела на трубы с нескрываемым восторгом. Даже на суше далеко не у всех есть подобная установка, а тут — на корабле, посреди бушующего моря... Похоже, мне реально повезло!

Но секундная радость испарилась, уступив место новому страху. Так, а где я буду спать? О чём я вообще думала, когда переодевалась в парня?! Надеюсь, капитан не отправит меня спать со всеми, в общую матросскую каюту. О боги, только не это!..

— А... как мне вас называть, капитан? — опомнилась я, что не знаю, как обращаться к этой скале.

— Я Кэйл. Для тебя капитан Кэйл.

Прямо напротив душевой, по левую сторону коридора, капитан толкнул небольшую дверь. За ней скрывалась крошечная, тёмная комнатка. Она шла параллельно его собственным покоям.

— Твоя берлога, Мик, — сухо бросил капитан, наконец повернувшись ко мне лицом. — Располагайся.

Я сглотнула, глядя на свою каморку, и в душе затеплилось безумное облегчение. Своя! Отдельная! Правда, её расположение заставило сердце болезненно ёкнуть: моя дверь находилась прямо напротив его душевой. Под самым боком у чудовища.

Моя «берлога» оказалась узким, вытянутым пеналом — всего около трёх-четырёх больших шагов в длину и примерно два в ширину. Стоило открыть дверь, как перед глазами предстала вся комната. Слева, вплотную к деревянной перегородке, тянулась узкая одноместная кровать. Над ней, на стене, висели две полки, а у подножия кровати примостился кованый сундук для одежды. Справа, напротив кровати, гордо висела дорогая и очень красивая картина. Она изображала горы и водопад на закате. Вдоль свободной стены оставался лишь узкий проход, ведущий вглубь каюты — к небольшому рабочему столу у иллюминатора в виде большого окна.

— Позже в трюме подберёшь себе одежду среди тряпок, — добавил Кэйл, критически оглядывая мой нелепый, испачканный в саже наряд.

Кэйл

Я молча наблюдал за тем, как пацан вертит головой по сторонам, с восторгом разглядывая свою личную каюту. Странный малый. Только что его едва не забили до смерти и собирались продать торговой компании, а он стоял и восхищался медными трубами. Обычно на его месте большинство пленных либо ревели навзрыд, либо умоляли отпустить их на свободу. Этот же выглядел так, словно попал на увлекательную экскурсию. Словно уже принял как должное всё, что с ним произошло.

— Можно я... умоюсь? — спросил малой, пройдя вглубь каютки. Говорил он неуверенно, а голос то и дело лом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.